

КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО
ЗА РУБЕЖОМ

За годы своей всемирной известности колумбийский писатель Габриэль Гарсиа Маркес редко давал серьезные интервью; если речь шла о его творчестве, он всегда шутил, смеялся, рассказывал причудливые небылицы — такие же, какими наполнены его замечательные книги. Однако у несерьезности Гарсиа Маркеса вполне серьезные основания. Драгоценное умение писателя смеяться связано с его способностью видеть мир в целостности.

Недавно корреспондент па-

ГОВОРИТ МАРКЕС

рижской газеты «Матэн» Франсуаз Ксенакис взяла интервью у Маркеса, проживающего сейчас в Париже.

— Я очень высокого мнения о себе как писателе и уверен, что моя книга «Хроника заранее объявленной смерти» — моя лучшая литературная работа.

— Мечта моей жизни? Вновь написать «Царь Эдип», — но это не получится. Вершина литературы, конечно, «Царь Эдип». В первой шеренге — «Война и мир» Толстого. Во второй — «Дон - Кихот».

— Как я расцениваю библиотеку? Продолжаю разговор о ветвях литературного древа. К первой категории отношу творчество Достоевского, но объективно «Война и мир» — величайший роман. У меня также проблема с Данте. Думаю, что это великий поэт, я не могу его забыть, но не знаю, куда его причислить. Необходимый, но неудобный, я его постоянно чувствую, как чемодан под ногами. Ах, да! Я забыл об «Одиссее». И потом, разумеется, Рабле, Стендаль, Рембо. Есть один писа-

тель, которого я знаю очень плохо, которого я не могу читать. Это Марсель Пруст. К другой категории относятся английские романисты. На мой взгляд, самый выдающийся из них Мельвиль. Люблю Фолкнера, мнимо простого Хемингуэя. Если бы я за свою жизнь прочитал только тех, которых упомянул, то и тогда я был бы тем писателем, кем являюсь сейчас. Это достаточно для того, чтобы писать.

К. ЕНГОЯН.

НА СНИМКЕ: Гарсиа Маркес.

